

Итак, на наш взгляд, композиционные и тематические различия двух частей 18-й книги скорее всего можно объяснить изменениями в личной судьбе автора, переехавшего где-то около 532 г. в столицу и отныне стоявшего ближе к жизни Константинополя. И хотя изложение во второй части действительно стало более лапидарным, все же оно органически связано со всем предыдущим, и нет основания создавать версию о том, что 18-я книга хроники Малалы писалась двумя различными хронистами или обрабатывалась неизвестным редактором.

Язык во всех частях хроники Малалы довольно грубый, лишен ясности и точности классического греческого языка. Глагол у него часто заменяется причастием, допускаются нарушения грамматического строя и вольные переходы от прямой речи к косвенной, что иногда затемняет смысл повествования¹²⁶. Однако резких языковых различий в отдельных частях хроники не наблюдается.

Всемирная хроника Иоанна Малалы писалась уже не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества. Автор хроники не ставил перед собой больших историко-философских или политических задач. Он отказался от мечты всех византийских авторов сравняться в красноречии с прославленными историками древности — Фукидидом, Полибием или Тацитом. Он задался целью дать правоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей. И надо сказать, что эту задачу он выполнил успешно. Из-под его пера вышла настоящая книга для народа, написанная ярким и доходчивым языком и вместе с тем проникнутая христианско-апологетическим освещением событий. Сказочные эпизоды, чудесные происшествия расцвечивали яркими красками ткань повествования и составляли украшение хроники, столь притягательное для широких масс, дающее пищу народной фантазии и часто само порожденное ею. Но эти привлекательные черты хроники — ее популярность и занимательность — приводили зачастую к тому, что автор жертвовал в угоду занимательности логикой исторического повествования. Малала, в отличие от других византийских историков VI в., далек от какого-либо стремления критически проверить доступный ему исторический материал, взятый, как мы видели, из самых разнообразных источников различного качества. Перед нами причудливое переплетение важных исторических событий и анекдотов, ярких характеристик исторических деятелей и чудесных явлений природы, достоверных фактов и легенд. Все это смешано воедино, и средневековый читатель был лишен возможности отделить историческую правду от вымысла.

Неразборчивость автора в подборе источников в соединении с недостаточной его образованностью привели к тому, что «Хронография» Иоанна Малалы (особенно в первых 15 книгах) пестрит самыми примитивными и абсурдными ошибками и анахронизмами.

Так, в труде Малалы немало ошибок, говорящих о его слабой осведомленности в античной истории и мифологии. Исследователи уже отмечали, что лесбосская поэтесса Сафо превратилась у Малалы в современницу Кекропса и Краная, а философ Демокрит из Абдеры отодвинут в седую древность Пелопса. Геродот у Малалы — последователь Полибия, а Цицерон и Саллюстий — римские поэты¹²⁷.

Автора этой всемирной хроники нельзя поставить на высоту, достигнутую античной историографией. Труды представителей античной исторической мысли — Фукидида, Полибия, Аппиана, Тацита и других не только запечатлели сами события древности, но и донесли до нас элементы той

¹²⁶ K. Weikholt. Studien zum Sprachgebrauch des Malalas. Oslo, 1963.

¹²⁷ K. Krumbacher. Op. cit., S. 327.